
АЛЕКСАНДР СЕГЕНЬ

“СИЛА НЕСМЕТНА, А ПРАВДА БЕССМЕРТНА...”

*К 75-летию поэта русской воли —
Станислава Куняева*

*Империя! Я твой певец,
не первый, но и не последний,
я видел, как тяжёл венец
твоей судьбы тысячелетней.
Твоя мистическая власть,
твои шоссе, твои просёлки
во мне! Когда ты взорвалась,
то в душу — все твои осколки!*

В те дни, когда эти “осколки” врывались нам всем в душу, в редакцию “Нашего современника” пришли погромщики. Такие же, как в семнадцатом году. Одураченные русские охломоны во главе с чернявеньким комиссариком, похожим на известного поэта, создателя новой религии “Арбат”. Они пришли громить комнату, которую у редакции арендовала газета “День”. Ходили и глядели окрест себя как новые хозяева жизни — мол, кончилось ваше время! Взломав дверь, вынесли все компьютеры, сейф с деньгами и документами и уволокли все это в неизвестном направлении. Растерянно посматривали на сотрудников “Нашего современника”. Видно было, как чешутся у них руки взламывать другие двери, “прихватизировать” другое имущество, бить, уводить в подвалы. Один из них с тоскою сказал комиссару:

— “Наш современник” — ведь это же одна шайка-лейка!

— Знаю, — ответил комиссарик грустным и интеллигентным окуджабьим голосом. — Но у нас на них нет приказа.

“Мандата”, — так и хотелось его поправить.

В те дни многие вынуждены были скрываться. Слава Богу, что никому не нужно было бежать на чужбину. А многие спокойно сидели дома или на работе в ожидании, когда за ними придут. Главный редактор “Нашего современника” собрал сотрудников в своем кабинете, к нам приходили наши верные авторы, и мы тоже ждали, что комиссарик наконец получит приказ и по нашу душу. Ни у кого не было желания скрываться. Я вспоминал своего прадеда, который во время немецкой бомбежки сидел у самовара и говорил: “Я в своем доме ни от кого прятаться не собираюсь”. И погиб от осколка бомбы, попавшей ему в затылок. Мы еще не знали, что ельциноиды, бросившись растаскивать по кусочкам богатейшее наследие Советской Империи, просто махнут на нас рукой, ограничившись арестами лишь защитников Дома Советов и разгромом газеты “День”.

А ведь случись все наоборот, окажись на нашем месте разгромленные либералы — разве б они сидели на своих местах в ожидании арестов? Такое трудно представить. Скорее всего, они бы с радостью воспользовались слу-

чаем бежать за границу и там полноправно получить приют и денежную работу. Уж как бы они там побибисикали! И каких бы только ни появилось новых исаичей, требующих немедленного наказания России с помощью американского ядерного оружия. Они бы от собственного поражения получили не меньший гешефт, чем от разгрома ненавистной империи.

Тема чужбины волновала Куняева всегда. В его стихах часто слышится — как хорошо, что не надо спасаться за границей, а можно жить среди родных лесов, полей и рек. Что не надо гнаться за славой, которая ничего не дает, кроме суеты, а только отвлекает от работы и жизни. Самоуничтожающее стремление к славе — для недалеких, не верящих в бессмертие души.

*Пока литературный нувориш
спешит за славой в Лондон иль Париж,
мы поглядим на сумеречный плёс,
послушаем, как лист летит с берёз,
под шум костра бутылку разопьём
и не спеша беседу заведём,
поговорим о хлебе, о войне,
о светлой рыбе и о чёрном дне.*

И Куняев многих научил тому, как стремиться не к славе, а к жизни, к работе, к поэзии.

Для меня его поэзия стала одной из путеводных звезд на карте литературного неба задолго до нашего знакомства. Мне, как молодому Куняеву, всегда хотелось почаще говорить “До свиданья!” домашнему порогу и спешить на вокзалы и аэропорты, чтобы успеть в недолгой жизни как можно больше узнать географию родной страны. Вот только времена становились все менее и менее героическими.

Я был на офицерских курсах, когда пришла весть о том, что вместо уходящего на заслуженный отдых Сергея Васильевича Викулова “Нашим современником” будет руководить Станислав Юрьевич Куняев. И помню, с каким восторгом это было воспринято.

Конец восьмидесятых годов. Это было еще время надежд на то, что в Советской Империи возродится русский национальный дух, воскреснет Православие, и сама Империя от этого станет вдвое, втрое крепче. Однажды у меня, только что выпустившего первую книгу и сразу получившего за нее премию как за лучшую книгу начинающего автора, брали интервью для телевидения и спросили, чего бы я хотел сейчас в жизни больше всего. Я не задумываясь ответил: “Работать в журнале “Наш современник”. Так случилось, что Куняев увидел мое интервью по телевизору и тотчас пригласил меня к себе на работу. А я тогда работал в журнале “Советская литература” у Проханова. Было такое издание, выходившее на двенадцати или четырнадцати языках, в нем печатались наиболее заметные произведения советской литературы. Бойцовскими качествами сей журнал не обладал. Даже когда Проханов стал насыщать его своей неутомимой энергией, ему было трудно что-либо изменить. Поэтому он впоследствии стал издавать свою газету, в свое время — самую мощную среди патриотических.

И вот, когда я пришел к Проханову подписывать заявление о моем переводе в “Наш современник”, Александр Андреевич сказал:

— Конечно! “Советская литература” всего лишь журнал. А “Наш современник” — мощное политическое течение. Я понимаю.

И подписал мое заявление: “К сожалению, не возражаю”.

Вот как тогда относились к “Нашему современнику”. Казалось, вокруг него могут сойтись центроостремительные силы русского сопротивления, которые способны будут привести к власти в стране истинных патриотов, обладающих умом, честностью и ясным национальным самосознанием. Верилось, что дни горбачевых, ельциных, яковлевых, черниченков-евтушенков и прочей нечисти — сочтены. Не так-то, как оказалось, это было просто!

Принимая меня на работу, Станислав Юрьевич сказал:

— Возможно, нас потопят, как “Варяг”. Но мы должны дать мощный залп из всех орудий.

В глазах многих приглашение на работу в “Наш современник” тогда считалось особенно большим почетом. Мой отец, давний подписчик и почитатель этого журнала, узнав, не поверил, покуда не увидел фамилию в списке ре-

дакции и редколлегии. С гордостью показывал всем своим друзьям. А недруги говорили мне украдкой: “Ты пошел работать к Куняеву? Дурак! Навсегда испортил себе карьеру!”

Его всегда боялись. Он с молодости был задиристым и во всем стремился всех превосходить в чем бы то ни было. В знаниях, в стихах, в мужестве, в силе и ловкости, в рыбной ловле, в шахматах, в бильярде, в настольном теннисе, даже в умении пить и не пьянеть. Он всегда был с кулаками. Потому и родилось это далеко не самое лучшее, но по иронии судьбы самое знаменитое его стихотворение “Добро должно быть с кулаками”. Хотя и в его ранних стихах можно найти множество строк, способных стать крылатыми. Но все тогда сходили с ума от хриплых завываний замечательного киноактера и плохого поэта (за исключением десятка прекрасных стихотворений о войне и альпинистах). В моду тогда входил заунывно-слащавый бард, призывавший говорить “друг другу комплименты”, а Господа Бога достававший просьбами мелкого буржуа: “Дай же ты всем понемногу и не забудь про меня”. И только настоящие знатоки поэзии замечали летучесть куняевской строфы, с неугодным стремлением “к околице русских дорог”, с его ужасом перед величием Родины, которую так мало знаешь и так страстно стремишься познать. Только истинные ценители видели, насколько глубже оруджавских “комплиментов” стихотворение:

*Живем мы недолго, — давайте любить
и радовать дружбой друг друга.
Нам незачем наши сердца холодить,
и так уж на улице вьюга!*

*Давайте друг другу долги возвращать,
щадить беззащитную странность,
давайте спокойной душою прощать
талантливость и бесталанность.*

*Ведь каждый когда-нибудь в небо глядел,
валялся в больничных палатах.
Что делать? Земля наш прекрасный удел —
и нет среди нас виноватых.*

В шестидесятые и семидесятые процветала мода на диссидентство, когда среди всей так называемой интеллигенции почетно было эмигрировать, а если ты не “вынужден был покинуть эту страну”, то следовало хотя бы считаться “внутренним эмигрантом”. И все эти “бесстрашные и гонимые” внутренние эмигранты преспокойно катались по всему Земному шару, возвращаясь в Россию, чтобы ее проклинать. Жалкое племя! До чего же погано жить в краю, который ты так ненавидишь!

И до чего счастлив тот, о ком написал бессмертный Гумилев: “Но всё в себе вмещает человек, который любит мир и верит в Бога”. Нет большего счастья, чем любить свою землю, ее людей, ее историю, ее прошлое, настоящее и будущее. Ее судьбу и волю. Этим счастьем, которое немислимо без боли и сострадания, дышат все стихи молодого Куняева. Жить по Пушкину, “чтоб мыслить и страдать” — вот цель поэта.

*Недосыпать, недоедать,
позабывать себя, работать,
платить пожизненную подать
своей земле, поскольку — мать...*

Поэты шестидесятых и семидесятых годов. Они тогда еще все были вместе, они еще как бы дружили — Евтушенко, Вознесенский, Передреев, Куняев, Рубцов, Шестинский... Трудно даже и представить их рядом в дружеской беседе. Среди писателей не было разделения на либералов-западников и консерваторов-патриотов. Было разделение на талантливых и бездарных, на литературных дельцов и творцов. Но с середины семидесятых начался болезненный раскол. Под лозунгами “гражданских прав и свобод” внутри России началась борьба против России. И в этой борьбе все четче обозначались позиции.

*Опять разгулялись витии —
шумит мировая орда:
Россия! Россию! России!..
Но где же вы были, когда
от Вены и до Амстердама
Европу, как тряпку, кроя,
дивизии Гудериана
утюжили ваши края?*

И в этом брожении умов умы отскакивали один от другого как ошпаренные. Кончалась дружба, начинались ссоры. И не только между теми, у кого, как оказалось, ничего общего и быть не могло, а и между близкими по духу. Смерть Рубцова по времени как бы подвела черту под канувшей в прошлое эпохой, когда все было общее. Трагическую черту. В наступивших восьмидесятих борьба разгорелась нешуточная.

Переосмысление истории XX века во все стороны ошетинилось болезненными иглами. Только и слышно было разговоров о тридцать седьмом годе, о бесчисленных жертвах, о лагерях и каналах, о жестоких “тройках” и расстрелах. И о том, что русская история — сплошной мрак и ужас. И вдруг мощным танком ворвалось всесокрушительное, хрестоматийное стихотворение Куняева “Размышления на Старом Арбате”, безжалостный ответ на все вопросы об ужасном тридцать седьмом:

*Где вы, несчастные дети Арбата?
Кто виноват? Или что виновато?
Жили на дачах и в особняках —
Только обжили дворянскую мебель:
Время сломалось, и канули в небыль...
.....
Чадо Арбата! Ты злобою дышишь,
Но на грузинское имя не спишешь
Каждую чистку и каждую пядь —
Ведь от подвала в Ипатьевском доме
И до барака в республике Коми,
Как говорится, рукою подать...
.....
Помнишь, Арбат, социальные страсти,
Хмель беззаконья, агонию власти,
Храм, что взорвали детишки твои,
Чтоб для сотрудника и для поэта
Выстроить дом с магазином “Диета”.
Вот уж поистине храм на крови...

Радуюсь, что не возрос на Арбате,
Что обошло мою душу проклятье,
Радуюсь, что моя Родина — Русь —
Вся: от Калуги и аж до Камчатки,
Что не арбатских страстей отпечатки
В сердце, а великорусская грусть.*

Разве можно забыть, какие мурашки бежали по спине, когда мы в священном ужасе читали эти обжигающие и одновременно торжественные строки, как светились наши глаза. Это крупное стихотворение разило наповал, подобно пушкинскому “О чем шумите вы, народные витии?” Оно было равновелико пушкинскому шедевру. Только что спор тут шел не “славян между собою”, а куда более интернационально-глубинный, ветхозаветно-новозаветный. Номер еще викуловского “Нашего современника”, в котором оно появилось, как хищная птица, перелетал из рук в руки. А что испытывали сами “дети Арбата”, читая адресованную им бомбу? Хоть бы одним глазком поглядеть! Каждая строчка им была как пощечина. Нет, хуже, как удар стального кулака — в челюсть, под дых, снова в челюсть, снова под дых... Скольким из них пришлось пить валидол?

Стихи восьмидесятых и девяностых, безусловно, — вершина поэзии Станислава Куняева, когда все в нем отточилось — и осмысление истории Рос-

сии, и поэтическое мастерство, и отношение к друзьям и врагам. Когда он появлялся в обществе, от него дышало ледяным и обжигающим, бодрым ветром. И каждый, кто боялся его, отшатывался, а кто восторгался – спешил выразить почтение. Мерзавцу он мог спокойно вклеить оплеуху, а тех, кого любил, усаживал вокруг себя.

Тяжелым ударом для него стали проклятые годы России – 1991-й и 1993-й. В одном из горестных стихотворений он даже завидует Рубцову и Передреву:

*Мои друзья, вы вовремя ушли
От нищеты, разрухи и позора,
Вы стали горстью матери Земли,
Но упаслись объятий мародера.*

*Я всех грешней. Есть наказание мне:
В своей стране живу, как иностранец,
Гляжу, как воцаряется в Кремле
Очередной “законный” самозванец.*

Но именно в эти дни, когда со всех сторон вылезло кажущееся несметным всероссийское предательство, когда оставалось лишь удивляться – откуда взялось такое море подлецов, Куняев, быть может, как завет самому себе, повторял собственное стихотворение, написанное в 1986 году. Маленькое, но сильное, как пуля. В нем – зерно грядущего преодоления мерзости. Смысл его такой же старый, как этот мир, как наша матушка Русь. Но и такой же неувядающий, как мир и как Россия. “Не в силе Бог, а в правде!”

*Сила за вами,
а правда за мной.
Правда словами,
а сила стеной.
Сила несметна,
а правда бессмертна.
Вечен их спор —
и весь разговор.*

Конец девяностых стал для поэта русской воли важнейшим периодом в творчестве – периодом осмысления своей жизни и судьбы Родины. В “Нашем современнике” один за другим начали выходить очерки воспоминаний. Поначалу он собирался ограничиться десятком таких очерков, но постепенно родился замысел создания книги. Так появилось крупномасштабное произведение – книга “Поэзия. Судьба. Россия”. Сначала первый том, затем – второй, и вот теперь – третий. Появление этой книги вызвало в русском обществе столь же сильное впечатление, как “Размышления на Старом Арбате”. Читатели журнала чтение каждого нового номера начинали с куняевских очерков. Клеветники Куняева – наверняка тоже. Врагам России досталось отведать добрых русских кулаков.

Когда кому-то говоришь: “Вот, собираемся отмечать семидесятилетие Станислава Юрича”, очень многие удивленно вскидывают брови: “Как! Разве ему уже семьдесят пять? Не может быть! Ты перепутал – шестьдесят!” Да нет, друзья, шестидесятилетие мы уже отмечали. Только година тогда была тяжелая – 1992 год. Вот и не очень запомнилось. Но то, что ему и впрямь трудно дать столько, это верно.

Готовя к печати третий том “Поэзии. Судьбы. России”, он говорил: “Может, этот том – последний. Надоело прозу писать”. Но уже появляются новые очерки – первый задел в очередной, четвертый том книги воспоминаний одного из ведущих идеологов патриотического направления нашей общественной жизни, одного из лучших поэтов XX века в России. И куда бы ни повернулось его творчество в отрезке жизни между семидесятипятилетием и восьмидесятилетием, появятся ли новые стихи или новая проза, новые поэмы или новые публицистические очерки, все это будет новым бесценным подарком нам с вами – от Куняева.

г. Москва